
**ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
В СОБРАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ИРЛИ РАН
(по материалам выставки «Слава Академии Российской»,
посвященной 225-летию учреждения Российской академии)**

Е. В. Кочнева

Основание портретной галереи членов Российской академии относится к началу XIX века. 25 марта 1802 года высочайшим указом было отпущено 25 тысяч рублей для строительства нового здания Российской академии. В 1802–1804 годах по проекту архитектора А. А. Михайлова на Васильевском острове был сооружен центральный корпус (нынешний адрес – 1-я линия Васильевского острова, дом 52)¹. Помещения в здании Академии распределялись следующим образом: бельэтаж из пяти комнат принадлежал неперемому секретарю, на втором этаже находился зал академических собраний, примыкавшие к нему боковые комнаты были отданы под библиотеку и секретарскую. Для украшения зала собраний и предназначались портреты членов Российской академии².

Инициатором создания портретной галереи являлся, по всей вероятности, тогдашний президент Академии А. А. Нартов. К такому выводу приводит изучение материалов «Записок заседаний Российской Академии» за 1802–1812 годы, хранящихся ныне в Санкт-Петербургском филиале архива

¹ Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской академии). Л., 1986. С. 33–34; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002. С. 43.

² Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз... С. 36.; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции...». С. 160.

Академии наук: бóльшая часть корреспонденции, связанная с покупкой, заказом и передачей в дар академическому собранию портретов, адресована на его имя.

Формирование коллекции началось еще до окончания постройки здания. Так, в 1802 году была приобретена копия³ портрета А. П. Сумарокова работы неизвестного художника, переданная в Академию его племянником П. И. Сумароковым (илл. 1). В сопроводительном письме на имя А. А. Нартова он писал: «Отправляя при сем портрет покойного Александра Петровича Сумарокова я в приятности вместе ощущаю: во-первых, что доставляю тем вашу волю, а во-вторых, что доставляю тени дяди моего столь почтенное пребывание. Я, помня его очень хорошо, смею уверить ваше превосходительство, что изображение его весьма сходственно, и остается теперь делать, чтоб молодые наши писатели, взирая на его черты, поощрялись следовать по проложенной им стезе»⁴.

В том же 1802 году М. М. Херасков дарит Академии свой гравированный портрет. В письме к Нартову от 18 июля он сообщал:

«Милостивый государь мой, Андрей Андреевич!

Императорская российская Академия вознамерясь поставить в зал собрания своего, *между прочими изображениями писателей и членов ее* (курсив мой – Е. К.), обогативших слогом свою российскую словесность, и мой портрет, делает мне такую лестную честь, которой я едва ли достоин.

Впрочем, в угодность ей и Вашему превосходительству я не замедлил бы доставлением портрета моего в сие достопочтенное место, когда бы мог найти скоро искусного живописца для списания копии с оригинала. До времени же изготовления того, не благоугодно ли Вам будет принять эстамп мой, гравированный одним из лучших художников в С-Петербурге, и довольно сходный с подлинником. С истинным моим почтением и преданностью есмь,

Вашего Превосходительства

Милостивого государя моего, Михайла Херасков»⁵.

³ Оригинальный подписной портрет А. П. Сумарокова, выполненный Ф. С. Рокотовым в 1762 году, в настоящее время находится в собрании Государственного музея латышского и русского искусства в Риге. Авторское повторение, датированное 1777 годом, – в Государственном историческом музее в Москве. Подробнее см.: *Романыхева И. Г., Римская-Корсакова С. В.* Федор Степанович Рокотов. СПб., 2008. С. 107–108, 110–111.

⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 190. В 1912 г. портрет А. П. Сумарокова экспонировался на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». По определению одного из организаторов выставки барона Н. Н. Врангеля, портрет предположительно принадлежит кисти Ф. С. Рокотова. Цитированное письмо П. И. Сумарокова позволяет отнести определение Врангеля и атрибутировать портрет как работу неизвестного художника, возможно, школы Рокотова.

⁵ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 201.

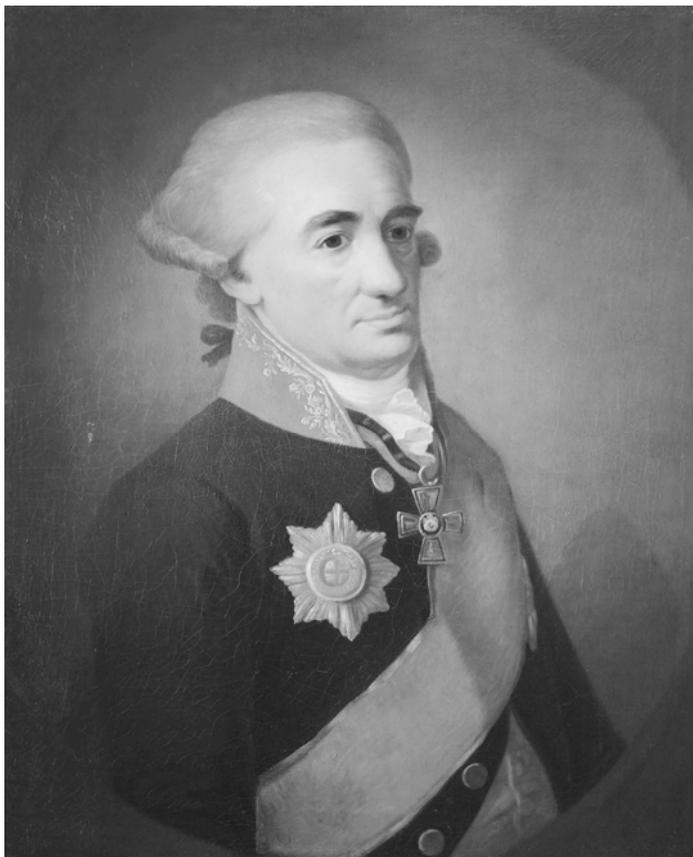
Илл. 1. *Неизвестный художник с оригинала Ф. С. Рокотова 1762 г.*
ПОРТРЕТ А. П. СУМАРОКОВА.
Конец XVIII – начало XIX в. Х., м.

В 1808 году, после смерти М. М. Хераскова, его вдова, Е. В. Хераскова, передала в дар Академии оригинальный живописный портрет мужа работы художника К. Гокке (илл. 2)⁶.

Основной принцип комплектования портретного собрания, заложенный уже в первые годы его существования, заключался в приобретении портретов не только действительных и почетных членов Российской Академии, но также тех ученых и литераторов, которые внесли значительный вклад в развитие отечественной словесности до ее основания. Обнаруженное нами в Санкт-Петербургском филиале Академии наук постановление Академии от 27 августа 1804 года гласило: «Собрание, находя приличным украсить Залу, в которой имеет оно свои заседания, живописными изображениями не токмо г<оспод> членов Акад<емии>, трудами своими в пользу Росс<ийского> языка отличившихся, но и других особенным знанием и сочинениями в Росс<ийской> словесности знаменитых особ, положило: заказать по той же цене помянутому живописцу Попову⁷ на первый случай снять копии с портретов князя Кантемира, Г<осподина> Ломоносова, и Г<осподина> Тредиаковского (портрет же Г<осподина> Сумарокова в Академии уже имеется). Также бывших членов Академии: Гавриила Митр<ополита> Новгородского, Самуила Митр<ополита> Киев<ского>, Иннокен<тия> Арх<иепископа> Псков<ского>, Ивана Перфильевича Елагина, Ивана Никитича Болтина, Ивана Ивановича Лепёх<ина> и Як<ова> Бор<исовича> Княж<нина>. Господ же членов ныне Росс<ийскую> Акад<емию> составляющих просит о доставлении в оную своих портретов, кому из них благо<угод>но будет. И во первых просить чрез письмо Ея Сиятельство Княгиню Екат<ерину> Романовну Дашкову, ходатайству представлению (так в рукописи. – Е. К.) которой у Государ<ыни> Императрицы Екат<ерины> II-й Академ<ия> учреждением своим обязана, и г<осподина> Дейст<вительного> Тайн<ого> Сов<етника> Михаила Мат<вееича> Хераскова, дабы они благоволили доставить в Акад<мию> свои портреты. При чем Г<оспода> присутствовавшие члены просили Его Превосходит<ельство> Г<на> Презид<ента> Акад<емии> доставить в оную свой портрет, на что Его Пр<евосходительст>во отвечал, что он принимает таковое собрания

⁶ ПФА РАН, Ф. 8, оп. 1, д. 13, л. 114.

⁷ В августе 1804 года художник Попов выполнил по заказу Академии портрет архиепископа Псковского Ириней (Клементьевского). См.: ПФА РАН, Ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 105.

Илл. 2. *К. Гокке*. ПОРТРЕТ М. М. ХЕРАСКОВА.
Конец 1790-х – начало 1800-х. Х., м.

желание за особенную для себя честь, портрет свой сообщить Акад<емии> соглашается»⁸.

В 1804 году по заказу Академии для украшения зала академических собраний известным живописцем И.-Б. Лампи Младшим были выполнены парадные портреты в рост императрицы Екатерины II, «яко основательницы Росс<ийской> Акад<емии>» и императора Александра I, «яко обновителя и покровителя оныя»⁹.

Портрет Екатерины II представлял собой копию с известного портрета работы отца художника И.-Б. Лампи Старшего 1793 года, хранившегося в Эрмитаже¹⁰. Портрет же Александра I должен был представлять собой оригинальную композицию, эскиз которой был утвержден на очередном собрании Академии 23 февраля 1804 года: «Г<осподин> Презид<ент> Акад<емии> и собрание рассматривали представленное сего числа живописцем Иоганном Лампием начертание портрета Государя Императора Александра I-го, положили: бюст Императора Петра Великого представить прямым (т. е. анфас. – Е. К.), а не в профиль; на пьедестале же вместо пирамиды поставить обелиск, по обоим сторонам которого написать изображения стихотворства и красноречия с приличными им принадлежностями, и чтобы г. Лампий, сделав сии поправки в представленном от него начерта-

⁸ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 105–106. В Записках заседаний Российской академии имя художника Попова больше не упоминается. По учетным документам Литературного музея ИРЛИ известно, что портреты А. Д. Кантемира (1810) и митрополита Гавриила (Петрова) (1808) выполнены П. Алькиным (См.: Инвентарная книга Литературного музея ИРЛИ № 3 С. 269), портреты митрополита Самуила (Миславского) и И. П. Елагина – учеником Академии художеств Василием Ивановым (ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 16, л. 110). В собрании Литературного музея ИРЛИ находятся портреты М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского работы неизвестного художника, датированные 1800-ми годами. Возможно, их автором является Попов, но архивными сведениями это предположение не подтверждается. Кроме того, в списке портретного собрания Императорской Академии наук, опубликованного Д. А. Ровинским в 4-м томе «Подробного словаря русских гравированных портретов» не упоминаются портреты И. Н. Болтина, И. И. Лепёхина и архиепископа Псковского Иннокентия. Вероятно, они так и не были созданы (См.: *Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов*. СПб., 1889. Т. IV. Ст. 254–259). Живописный портрет Я. Б. Княжнина был написан в 1854–1858 годах Н. И. Поливановым по гравюре Ф. Форопонтова по заказу министра просвещения А. С. Норова и позже присоединен к собранию Императорской Академии наук (См.: *Модзалевский Б. Л. Сорок шесть литографированных портретов членов Российской Академии*. СПб., 1911. С. 27).

⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 16 об.

¹⁰ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 25. В настоящее время портрет Екатерины II работы И.-Б. Лампи Старшего находится в собрании Государственного Эрмитажа. См.: Государственный Эрмитаж. Собрание западноевропейской живописи. Научный каталог в 16 томах. Флоренция, 1987. Т. XIV. Немецкая и австрийская живопись XV–XVIII вв. С. 465.

нии, начал писать помянутый портрет красками, дабы оный к положенному сроку был изготовлен»¹¹. Как обозначено в протоколе заседания Академии от 27 августа 1804 года, портреты были живописцем успешно выполнены: «два большие портрета, один Екат<ерины> втор<ой>, а другой Государя Императора Александра Первого, которые в Акад<емии> уже доставлены (выдать ему – взято в скобки и зачеркнуто – Е. К.) следующие по договору деньги всего 1200 (рублей – Е. К.)»¹².

Значительное количество поступлений приходится на конец 1800-х – начало 1810-х годов. Среди них портрет президента Академии – А. А. Нартова, написанный в 1808 году художником П. Алькиным (илл. 3). Выполненный с большим профессиональным мастерством, он имеет на обороте следующую надпись, сделанную, по всей видимости, рукой художника: «Андрей Андреевич Нартов, Действительный Тайный Советник, Президент Императорской Российской Академии и вольного Экономического Общества, Орденовъ св. Анны первой степени и Датского Данеброга Кавалер, разных Академий и ученых обществ почетный член. Сей портрет писан в 1808 году, когда ему было от роду 72 года П. Алькиным». Портрет был передан в дар Российской Академии самим Нартовым 11 июля 1808 года¹³.

В том же году живописцу Алькину было поручено создать серию оригинальных и копийных портретов для зала заседаний Академии. Среди оригинальных портретов следует отметить изображение митрополита римско-католических церковей Российской Империи Станислава Иоанна Сестренцевича-Богуша, выполненный, по-видимому, в конце 1800-х годов. Тогда же по заказу Академии Алькин создал несколько копий с известных портретов, среди которых выделяются изображения князя А. Д. Кантемира (копия с несохранившегося оригинала Я. Амикони 1735 года, илл. 4) и графа И. И. Шувалова.

Кисти Алькина ошибочно приписывался и портрет архиепископа Ростовского и Ярославского Павла (Пономарева) 1810 года. Как указано Д. А. Ровинским, он был исправлен академиком К.-Я. Каниевским в 1836 году¹⁴. На основании изучения протоколов заседаний Российской акаде-

¹¹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 32 об. Можно предположить, что композиция портрета Александра I, изображенного с фигурами Красноречия и Стихотворства, восходила к композиции портрета Екатерины II И.-Б. Лампи Старшего, известного также как портрет Екатерины II с фигурами Истины и Крепости.

¹² ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 9, л. 107. К сожалению, местонахождение этих портретов неизвестно.

¹³ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 165.

¹⁴ Ровинский Д. А. Т. IV. СПб., 1889. Ст. 256.

Илл. 3. *П. Алькин*. ПОРТРЕТ А. А. НАРТОВА. 1808. Х., м.

Илл. 4. П. Алькин с оригинала Я. Амикони 1735 г.
ПОРТРЕТ А. Д. КАНТЕМИРА. 1800-е. Х., м.

мии оказалось возможным установить подлинное имя автора портрета – Петр Федорович Рыбников¹⁵. Выписка из протокола собрания Академии от 15 января 1810 года гласит: «...живописцу Рыбникову, за написанный им портрет бывшего Академии Члена Преосвященного Павла Архиепископа Ярославского <выдано> тридцать рублей»¹⁶.

Живописец П. Ф. Рыбников (1789 –?) обучался в Академии художеств в портретном классе академика С. С. Щукина в период с 1800 по 1809 годы. После окончания он был назначен учителем рисования в Одесскую коммерческую гимназию¹⁷. Датировка портрета 1810 годом также представляется ошибочной: судя по документам, он был выполнен художником в конце 1809 года.

В начале 1808 года епископом Старорусским Евгением (Болховитиновым) в Академию был передан «точный список портрета Феофана Прокоповича, Архиепископа Новгородского (илл. 5), <...> который принят собранием с благодарностью, и, положено: сделав к сему портрету гладкую позолоченную раму, поставить его в Зале Академических собраний»¹⁸.

К тому времени портретная галерея Академии насчитывала уже более десяти портретов, о чем свидетельствует выписка из протокола от 19 декабря 1808 года: «Охтенскому (так! – Е. К.) мастеровому Николаю Букину за сделанные им для портретов в зале Академии Российской находящихся, одиннадцать рам с порезкою, вызолоченные червонным золотом постановили выдать сто десять рублей из экономической суммы Академии Российской»¹⁹.

В первой половине 1809 года собрание пополнилось портретами двух очень значимых для истории Российской Академии лиц – княгини Е. Р. Дашковой (илл. 6) и графа Д. И. Хвостова (илл. 7).

На заседании Академии 2 января 1809 года президент А. А. Нартов «предложил собранию портрет Княгини Катерины Романовны Дашковой, доставленный ею из Москвы для зала Академического. Собрание, приняв портрет сей с удовольствием, препоручило Секретарю, уведомив Ее Сиятельство о получении оного портрета, изъявить ей благодарность, именем

¹⁵ О нем см.: *Кондаков С. Н.* Императорская Санкт-Петербургская Академия Художеств. 1764–1914. Пг., 1914. Ч. 2. Список русских художников. С. 171; *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. Т. 1. С. 580.

¹⁶ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 15, л. 12 об.

¹⁷ См.: *Целищева Л. Н.* Степан Семенович Щукин. М., 1979. С. 236.

¹⁸ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 22 об.

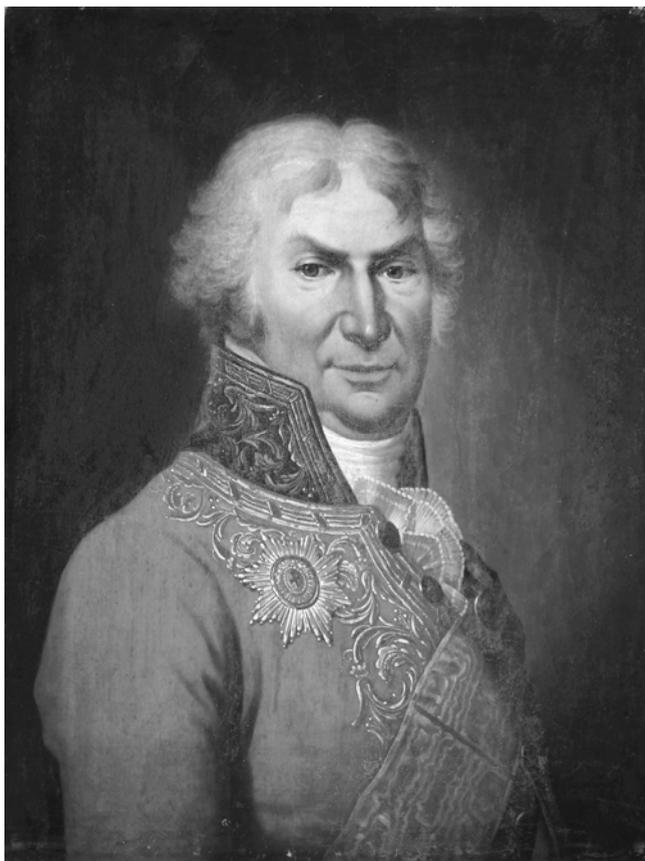
¹⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 267 об.

Илл. 5. *Неизвестный художник с оригинала XVIII в.*
ПОРТРЕТ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА. 1800-е. Х., м.

Илл. 6. *Неизвестный художник с оригинала 1790-х гг.*
ПОРТРЕТ Е. Р. ДАШКОВОЙ. 1808. Х., м.

Илл. 7. *С. С. Щукин (1762–1828).*
ПОРТРЕТ Д. И. ХВОСТОВА. 1808–1809. Х., м.

Академии»²⁰. На парадном поколенном портрете Е. Р. Дашкова представлена в образе президента Российской академии в своем рабочем кабинете. Один из томов Словаря Академии Российской в ее руках подчеркивает ее роль как вдохновительницы этого фундаментального научного труда. Известны четыре портрета Дашковой данного иконографического типа: два из них находятся в Москве – в Государственном Историческом музее и в Президиуме РАН, один – в Литературном музее ИРЛИ РАН и еще один, подаренный Дашковой своей подруге Марте Вильмот, – в частном собрании в Англии²¹.

До сих пор между искусствоведами ведутся споры о том, кисти какого художника принадлежит портрет Дашковой и какой из четырех портретов – оригинальный. Высказывались предположения о том, что оригинал – это портрет Дашковой из собрания Российской академии, находящийся ныне в Пушкинском Доме. Однако в 2002 году М. Ш. Файнштейн в книге, посвященной истории Российской академии, опубликовал письмо Е. Р. Дашковой А. А. Нартову, проливающее свет на историю создания этого портрета.

21 августа 1808 года в ответ на просьбу Нартова предоставить ее портрет для украшения зала заседаний Академии Дашкова писала: «Письмо Вашего Превосходительства, выражающее лестное для меня Российской Академии желание оказать мне честь сохранить в своей зале мой портрет, утешительно чрезмерно для меня, за что и приношу покорное свое благодарение. Я сего же дня в Москву отпишу, дабы лучший русский художник, списал копию поставленного в Московском университете портрета моего (курсив мой – Е. К.)»²².

Таким образом, портрет из собрания Пушкинского Дома – копия, заказанная самой Дашковой с оригинала, находящегося в Москве. Осталось лишь установить имя «лучшего русского художника» – автора портрета...

В 1809 году подарил Академии свой портрет граф Д. И. Хвостов²³. Портрет не имеет ни подписи, ни даты, но, тем не менее, принадлежит к бесспорным произведениям академика портретной живописи С. С. Щу-

²⁰ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 14, л. 2.

²¹ См.: Столбова Е. И. Портреты княгини Е. Р. Дашковой / Екатерина Романовна Дашкова. Материалы и исследования. СПб., 1996. С. 166–168; Stolbova E. I. Portraits of Princess Dashkova // The Princess and the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin and the Age of Enlightenment. Philadelphia, 2006. P. 100, 104; Ренне Е. П. Портрет Е. Р. Дашковой в частном собрании в Англии // Воронцовы – два века в истории. СПб., 2002. Вып. 7. С. 79–82.

²² Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...». С. 181 (ориг. – ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 13, л. 202).

²³ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 14, л. 153.

кина. Как следует из протокола заседания Академии от 22 мая 1809 года, «Его Сиятельство граф Дмитрий Иванович Хвостов сообщил для Зала Академического собрания живописный свой портрет и во время собрания читал сочиненные им стихи к живописцу, оный портрет писавшему»²⁴. Стихотворное посвящение Д. С. Хвостова С. С. Щукину известно под названием «Живописцу моему»:

Искусно ты меня, художник, написал,
С оттенкой купно свет волшебно сочетал,
И сам чрезмерно рад, что кончил труд счастливо.
Любуясь мастерством, ты смотришь горделиво
И громко говоришь: «ступай теперь, Хвостов,
Награду получить достойную трудов <...>»²⁵.

Как большинство стихотворений Д. И. Хвостова, «Живописцу моему», снабжено подробным комментарием автора, содержащим, между прочим, ценное описание портретов на стенах академической залы: «Зала собрания Росс<ийской> Академии украшена портретами; на правой стороне со входа портреты знаменитых наших писателей, кончивших жизнь свою до основания Академии, как то: Князь Кантемир, Князь Хилков, Феофан Прокопович, Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский. На левой стороне портреты членов, между которыми находится по желанию покойного Президента Нартова, и портрет сочинителя, писанный Академиком Щукиным»²⁶.

На основании подробного изучения протоколов заседаний Российской академии удается установить важную роль Д. И. Хвостова в деле формирования академического портретного собрания. На протяжении ряда лет он жертвовал значительные денежные суммы на оплату труда художников-копиистов, а также подарил несколько копий с портретов умерших членов Российской академии. Из них хочется выделить портрет Д. И. Фонвизина (прекрасная копия с оригинального портрета А.-Ш. Караффа 1784–1785 гг.)²⁷, а также копии с портретов А. Д. Кантемира и А. В. Олсуфьева работы П. Алькина²⁸. Нам удалось установить, что в конце 1811 года на средства, пожертвованные Д. И. Хвостовым, ученик Академии художеств

²⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 14, л. 153.

²⁵ Цит. по: Полное собрание стихотворений графа Хвостова. СПб., 1829. Т. 3. Послания к разным лицам. С. 61.

²⁶ Там же. С. 163.

²⁷ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 16, л. 113–113 об.

²⁸ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 15, л. 58.

Василий Иванов снял копии с портретов И. П. Елагина и митрополита Киевского Самуила (Миславского)²⁹.

Одним из самых значительных поступлений начала 1810-х годов является портрет Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского, ныне хранящийся в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина. Поэт изображен на нем почти прямолично, в красном сенаторском мундире. На обороте имеется следующая надпись: «Писанъ на 68 году отъ рождения въ 1811 году Г-номъ Боровиковскимъ»³⁰. В январе 1812 года портрет был передан в дар Российской академии самим Державиным со следующим сопроводительным письмом на имя А. А. Нартова, текст которого обнаружен нами в архиве ПФА РАН:

«Милостивый государь мой, Андрей Андреевич!

По желанию вашего высокопревосходительства, имею честь препроводить к вам портрет мой на благоудное ваше распоряжение. Пребываю в прочем с истинным моим почтением и таковою же преданностью вашего высокопревосходительства Милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин. Генваря 24 дня 1812 года»³¹.

Портретная галерея Российской академии продолжала активно пополняться и во время президентства А. С. Шишкова. В это время в Академию поступают изображения членов Академии, выполненные такими известными мастерами, как О. А. Кипренский (портрет А. С. Шишкова, 1825), А. Г. Венецианов (портрет Н. М. Карамзина, 1829), В. А. Тропинин (портрет И. И. Дмитриева, 1835), А. Г. Варнек (портреты А. Х. Востокова, 1803–1804, и А. П. Буниной, около 1825), Б.-Ш. Митуар (портрет Д. О. Баранова, конец 1820-х), К.-Я. Каниевский (портрет П. И. Соколова, 1830), В. И. Демут-Малиновский (скульптурный портрет М. В. Ломоносова, 1821), М. И. Иванов (портрет Г. Р. Державина, 1822) и другие.

А. С. Шишкову принадлежит идея первого издания портретного собрания. На заседании Академии 31 августа 1835 года, готовясь к 50-летию юбилею Академии, он предлагает «издать посредством литографии портреты всех членов Академии, со времени основания оной, с приложением краткого жизнеописания каждого из них»³².

На следующем заседании, 7 сентября 1835 года, принимается решение о создании особого «Портретного комитета», задачей которого были

²⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 16, л. 110–110 об.

³⁰ См.: Инвентарная книга № 3 Литературного музея ИРЛИ, С. 260.

³¹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, ед. 17, л. 138.

³² *Модзалевский Б. Л.* Сорок шесть... С. 1.

подбор и подготовка портретов к изданию. В его состав вошли члены Академии В. А. Поленов, К. М. Бороздин и А. И. Михайловский-Данилевский. Позднее, по предложению Шишкова, в Комитет также вошли В. И. Панаев как «любитель художеств и почетный член Академии художеств» и В. М. Перовщиков³³.

Участники «Портретного комитета» разработали свод правил, определявших, каким образом должны издаваться портреты. Они были изложены в специальной Записке, выпущенной 5 октября 1835 года. Согласно этим правилам, следовало:

«1) Издавать портреты, с присоединением кратких жизнеописаний, токмо тех действительных и почетных Членов Академии, кои окончили уже земное свое поприще, относительно же Членов живущих – ограничиться одним изгловением их портретов для издания впоследствии.

2) Жизнеописания сии, – кроме указания времени рождения, смерти, вступления в Академию и места, какое кто занимал в свете, – должны заключать в себе:

- а) исчисление литературных трудов Члена, о коем идет речь;
- б) важнейшие обстоятельства его жизни;
- в) отличительные черты характера, буде можно собрать о том сведения;
- г) достойные внимания анекдоты, если таковые с ними случались. Все сие должно быть изложено кратко, не более, как на четырех печатных страницах, – кроме немногих изъятий, могущих зависеть от обилия предметов.

3) Просить Академию напечатать список всем скончавшимся (так! – *Е. К.*) и разослать оный, и состоящим ныне на лицо членам, с тем, чтобы благоволили сообщить Академии известные им сведения о жизни, смерти и творениях покойных.

4) Равномерно просить Академию отнестись к родственникам умерших Членов, которых портретов в ней не находится, о присылке оных, а между тем неотлагательно приступить к литографированию тех, кои уже имеются»³⁴.

Члены Комитета обратились к председателю Общества Поощрения художников графу В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу с просьбой «указать искусных художников, коим можно бы было поручить литографирование

³³ Там же. С. 2, 3, 14.

³⁴ Там же. С. 4–5.

портретов»³⁵. По рекомендации последнего к изданию были привлечены известные художники-графики – А. А. Калашников, М. А. Кашенцев и И. С. Щедровский. Печатались портреты в литографическом заведении А. О. Мошарского. Предполагалось издать серию из 56-ти портретов членов Академии и «славных русских писателей, кои жили до основания оной». Но запланированный объем работ полностью выполнен не был: не все члены Академии, которым было поручено написать биографии к портретам, справились с этой работой. В связи с этим решено было издавать портреты без биографий. Всего было издано сорок семь портретов.

В 1841 году, после закрытия Российской академии, выпуск литографий прекратился. Принадлежавшее же ей собрание портретов в 1842 году, по распоряжению министра народного просвещения графа С. С. Уварова, было передано в ведение министерства народного просвещения, которое в те годы располагалось в здании на Чернышевой площади, построенном по проекту К. И. Росси в 1828–1834 годах (современный адрес – площадь Ломоносова, д. 1/3). Помещенная в приемную залу министра, коллекция в 1854–1858 годах увеличилась за счет портретов «лиц, не принадлежавших к составу ни той, ни другой Академии»³⁶.

В 1854–1858 годах министр просвещения А. С. Норов заказал художнику-любителю Н. И. Поливанову серию портретов российских литераторов XVIII–XIX веков: Я. Б. Княжнина, В. А. Озерова, И. И. Хемницера, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова и др. Большинство из них написано по гравюрам. Но некоторые изображения, такие, как портреты Н. В. Гоголя (с оригинала Ф. А. Моллера 1841 года) и М. Ю. Лермонтова (восходит к акварели К. А. Горбунова 1841 года), представляют собой копии с известных оригиналов. Выполненные довольно грубо и шаблонно художником, не обладавшим достаточным талантом и мастерством живописца, они, по мнению одного из первых исследователей академического собрания Б. Л. Модзалевского, «лишены какого бы то ни было художественного или исторического значения»³⁷.

³⁵ Там же. С. 7–8.

³⁶ Там же. С. 27.

³⁷ Там же. С. 28. В настоящее время точка зрения Б. Л. Модзалевского представляется спорной. Действительно, большинство портретов поливановской серии выполнено недостаточно профессионально, но среди них есть и довольно удачные, такие как портреты Н. В. Гоголя и А. С. Грибоедова (оба – в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина). Создание же портретов литераторов, не входивших в состав Российской академии, продолжает, как представляется, традицию, заложенную в начале XIX в. А. А. Нартовым, заказывавшим для академического собрания изображения не только членов Академии, но и тех литераторов и ученых, которые внесли значительный вклад в развитие отечественной словесности.

В начале 1862 года, по распоряжению нового министра народного просвещения А. В. Головнина, портретная галерея Российской академии (насчитывавшая к тому моменту шестьдесят восемь портретов) была передана в Императорскую Академию наук и объединена с хранившимся там собранием портретов³⁸.

Первое подробное описание портретной галереи Академии наук (куда входило и собрание портретов Российской академии) было опубликовано в 1889 году Д. А. Ровинским в приложении к четвертому тому «Подробного словаря русских гравированных портретов»³⁹. В качестве источника он использовал составленную для него архивариусом Академии наук В. П. Шемиотом заметку «Собрание портретов в Императорской Академии наук», которая была опубликована по распоряжению неперменного секретаря Академии наук К. С. Веселовского в 1887 году⁴⁰. Позже описанием академической коллекции занялся один из основателей Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский, напечатавший в 1905 году в «Известиях Императорской Академии наук» список живописных и скульптурных портретов, которые принадлежали Академии⁴¹.

В 1911 году Б. Л. Модзалевский издал две книги с описанием обнаруженных им на складе академической типографии портретов, под названием: «Сорок шесть литографированных портретов членов Российской Академии» (СПб, 1911) и «Сорок семь литографированных портретов членов Российской Академии» (СПб, 1911), снабдив их вступительной статьей об истории этой коллекции⁴². Источником для нее послужило

³⁸ Б. Л. Модзалевский сообщает список переданных портретов, не входивших в собрание Российской академии: «Сверх перечисленных выше 47 портретов, составляющих собственно собрание Российской Академии, в Академию были переданы еще следующие 21 портрет: 1) Я. Б. Княжнина, 2) В. А. Озерова, 3) А. С. Грибоедова, 4) И. И. Козлова, 5) М. Ю. Лермонтова, 6) Д. В. Давыдова, 7) Я. И. Бердникова, 8) И. А. Крылова, 9) Н. В. Гоголя, 10) И. И. Мартынова, 11) К. Н. Батюшкова, 12) графа П. В. Завадовского, 13) А. С. Норова, 14) князя А. Н. Голицына, 15) графа С. С. Уварова, 16) В. А. Жуковского, 17) князя П. А. Ширинского-Шихматова, 18) графа А. К. Разумовского, 19) Н. И. Новикова, 20) И. Ф. Богдановича и 21) И. И. Хемницера». (Модзалевский Б. Л. Сорок шесть... С. 28).

³⁹ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь... Т. II. Ст. 110–111, Т. IV. Ст. 254–259.

⁴⁰ Модзалевский Б. Л. Сорок шесть... С. 28.

⁴¹ Модзалевский Б. Л. Список портретов и бюстов, находящихся в Императорской Академии наук / Известия Императорской Академии наук, V серия, 1905, Т. XXII, С. VII–XIV.

⁴² Б. Л. Модзалевский так объясняет разное количество портретов в сериях: «Конференция Императорской Академии наук, по докладу неперменного секретаря – академика С. Ф. Ольденбурга, постановила (протокол Общего собрания 9-го сентября 1906 г., § 154) выпустить в свет сборник всех имевшихся в наличии портретов, сопроводив его кратким вступительным текстом. При выяснении наличного количества экземпляров портретов, пере-

«Дело Портретного комитета», хранившееся в архиве Конференции Академии наук⁴³.

В начале XX века академическая коллекция попадает в поле зрения известных искусствоведов и организаторов художественных выставок – барона Н. Н. Врангеля и С. П. Дягилева, благодаря которым многие портреты экспонировались на таких знаменитых выставках, как «Историко-художественная выставка русского портрета в Таврическом дворце» (1905) и «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912)⁴⁴.

С наступлением советской эпохи собрание стало утрачивать свою целостность: портреты крупными партиями передавались в другие учреждения. Вероятно, именно благодаря инициативе старшего ученого хранителя Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского, большая часть портретной галереи Российской академии оказалась в 1920–е–1930–е годы в Литературном музее ИРЛИ РАН. Передача коллекции проходила в несколько этапов: первая крупная партия (свыше пятидесяти живописных и скульптурных портретов) поступила в 1923 году. Единичные поступления состоялись также в 1925–1927, 1930 и 1937–1938 годах.

Дальнейшая судьба академической коллекции складывалась довольно драматично: в 1953 году ряд ценных с художественной точки зрения портретов были переданы в только что созданный Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Среди них – портреты Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского, И. И. Дмитриева работы В. А. Тропинина, Н. М. Карамзина работы А. Г. Венецианова, Н. И. Гнедича работы М. П. Вишневецкого,

данных в 1907 г. в архив Конференции Академии из книжного склада, выяснилось, что среди них не оказалось ни одного экземпляра портретов девяти лиц: 1) митрополита Евгения Болховитина, 2) архиепископа Ириней Клементьевского, 3) Ивана Петровича Мартоса, 4) Адама Васильевича Олсуфьева, 5) Александра Сергеевича Пушкина, 6) митрополита Самуила Миславского, 7) Дмитрия Прокофьевича Трошинского, 8) Дениса Ивановича Фонвизина и 9) Александра Семеновича Хвостова, а портреты: 10) Г. Р. Державина и 11) князя Г. А. Потемкина-Таврического имеются лишь в небольшом количестве экземпляров <...>. Поэтому из всей серии портретов Конференция постановила <...> составить и издать две серии: одну – в 47 портретов в количестве 50 экземпляров и другую – в 46 портретов в количестве 100 экземпляров». См.: *Модзалевский Б. Л.* Сорок шесть... С. 23–24.

⁴³ ПФА РАН, ф. 8, оп. 3–1835, д. 62. В процессе изучения материалов протоколов заседаний Российской Академии, выяснилось, что труды Д. А. Ровинского и Б. Л. Модзалевского содержат ряд неточностей в определении авторства, датировок и истории создания портретов.

⁴⁴ См.: Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот, павших в бою воинов. СПб., 1905; Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912. Отдел VII. Ломоносов. Академия наук. Московский университет (с предисловием Б. Л. Модзалевского).

К. Н. Батюшкова (копия Ф. И. Игина с оригинала О. А. Кипренского), В. А. Озерова, А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя работы Н. И. Поливанова.

Одной же из самых серьезных утрат целостности собрания является передача в 1946 году поясного портрета А. С. Шишкова работы О. А. Кипренского на временное хранение в Москву в Президиум АН СССР, откуда в 1984 году он поступил на постоянное хранение в Государственную Третьяковскую галерею.

К сожалению, собрание портретов Российской академии на долгое время выпало из поля зрения исследователей: за исключением Б. Л. Модзалевского, никто не пытался изучать его как единое целое, хотя отдельные портреты неоднократно экспонировались и публиковались. При этом большая часть коллекции неизвестна специалистам. Она никогда не экспонировалась в своем полном составе. Между тем, она включает в себя уникальные, единственные в своем роде, изображения представителей российской словесности XVIII–XIX веков. Таковы, например, портреты В. Г. Рубана работы А. Ф. Клипекова (1786), В. П. Петрова работы неизвестного художника (1790-е), И. И. Мартынова работы неизвестного художника (I-я четверть XIX в.), А. П. Буниной работы А. Г. Варнека (около 1825) и другие.

Попыткой продемонстрировать научной общественности это замечательное, но незаслуженно забытое собрание стала выставка «Слава Академии Российской: портретная галерея Российской Академии в собрании Пушкинского Дома», прошедшая в выставочных залах Литературного музея ИРЛИ РАН с 30 октября 2008 по 15 марта 2009 года⁴⁵.

Три раздела временной экспозиции были посвящены трем периодам существования Российской академии: эпохам президентства княгини Е. Р. Дашковой (1783–1796), А. А. Нартова (1801–1813) и А. С. Шишкова (1813–1841). Всего в трех залах музея было представлено 62 живописных и 3 скульптурных портрета членов Российской академии. Наряду с классическими, неоднократно выставывавшимися портретами Е. Р. Дашковой, А. П. Сумарокова, В. Г. Рубана, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, Д. И. Хвостова, А. П. Буниной, А. Х. Востокова, было представлено несколько малоизвестных полотен. Среди них выделялись портреты второго

⁴⁵ Автор выражает искреннюю признательность и благодарность за помощь в организации выставки ученому секретарю ИРЛИ РАН А. А. Костину, заведующей Литературным музеем ИРЛИ Л. Г. Агамалян, главному хранителю Рукописного отдела ИРЛИ М. В. Родюковой, сотрудникам Литературного музея ИРЛИ Е. Н. Монаховой, Д. О. Лаптеву, Е. Ю. Герасимовой, В. Н. Иголкиной и Ю. В. Белянской, сотрудникам библиотеки ИРЛИ Н. С. Беляеву, Н. А. Колобовой и Т. И. Черниковской.

президента Российской академии А. А. Нартова (П. Алькин, 1808), почетных и действительных членов Академии: князя А. А. Безбородко (копия в натуральную величину с оригинала И.-Б. Лампи Старшего 1794 г. из Государственного Эрмитажа), князя А. Б. Куракина (неизвестный художник, 1790-е), князя Г. А. Потемкина (копия с оригинала И.-Б. Лампи Старшего), П. В. Бакунина Меньшого (копия с оригинала Д. Г. Левицкого, 1790-е), И. Л. Голенищева-Кутузова (С. Глуковский с оригинала Д. Г. Левицкого, 1810-е), Ф. И. Янковича-де-Мириево (копия с оригинала Д. Г. Левицкого), П. Я. Гамалеи (работы Я. Залезского, 1821) и другие.

Особый интерес на выставке представляли не экспонировавшиеся ранее изображения представителей духовенства – членов Российской академии: митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова; копия П. Алькина с оригинала Н. М. Уткина 1800 года, 1808), митрополита Киевского и Галицкого Самуила (Миславского; копия В. Иванова с оригинала конца XVIII века, 1812), архиепископа Ростовского и Ярославского Павла (Пономарева) работы К.-Я. Каниевского по оригиналу П. Ф. Рыбникова 1809 года (1836), придворного протоиерея И. И. Красовского работы Я. Залезского (1819). Последний портрет – митрополита католических церквей России С.-И. Сестренцевича-Богуша работы П. Алькина (конец 1800-х). Изобразительный ряд дополняли литографированные портреты членов Российской академии (вторая половина 1830-х – начало 1840-х), а также виды Петербурга и Москвы конца XVIII – начала XIX века из фонда оригинальной графики Литературного музея ИРЛИ РАН.

На выставке были представлены архивные материалы из собрания Рукописного отдела ИРЛИ: копия всеподданейшего доклада Е. Р. Дашковой Екатерине II (1803) с приложением краткого начертания Российской академии, автограф письма Е. Р. Дашковой куратору Московского университета И. И. Мелиссино с предложением войти в число действительных членов Академии (1783), автограф письма А. А. Нартова И. И. Мелиссино (26 августа 1784 г.), диплом об избрании А. С. Шишкова действительным членом Императорской Российской Академии (7 января 1805 г.), автограф его же «Заметок о русском языке» и другие.

Важной составляющей временной экспозиции являлись редкие книги из библиотеки Пушкинского Дома, прежде всего, издания Российской академии, среди которых необходимо выделить первое издание Словаря Академии Российской (СПб., 1789–1794) и Труды Российской Академии (СПб, 1840–1841), а также литературные и научные сочинения ее членов: Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича,

И. Н. Болтина, А. Н. Мусина-Пушкина, Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, В. И. Панаева и др., многие с автографами авторов.

Отдельные экспозиционные комплексы были посвящены портретам, переданным в другие собрания (на выставке демонстрировались их фотокопии) и Б. Л. Модзалевскому как первому исследователю и публикатору коллекции.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что хранящаяся в Пушкинском Доме коллекция Российской академии является редким по полноте и обладающим несомненной художественной ценностью, но малоизученным собранием портретов представителей российской словесности XVIII–XIX веков. Надеемся, что представленная выставка послужит толчком для ее дальнейшего исследования и публикации.

